

Стивен Родфор

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ "ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ"

(пер. с англ. С.Хренова)

Процессы письма и живописи глубоко идентичны.

Пауль Клее

Моя программа проста: сдаться городу и пережить его затопление. Читать его и в чтении повелевать ему читать самого себя. Не доктрина, а общественное уведомление.

Город, который даже до Бодлера был готовым коллажем или аппликацией истории, постоянно создает себя заново — произведение искусства, установленное на муравейнике. А каждое искусство вырастает из одного и того же коллективного стремления, полагающего и подчиняющего себе идею города (латинское "*colligere*" — связывать вместе). Район или гетто — это сегмент, альтернативная версия, как сопротивляющаяся, так и воплощающаяся в различных модификациях, т.е. вместе с противоборствующей идеологией — это его исходная модель. Следовательно, диалект и национальная разнь суть изменяющиеся коды одного и того же явления: город не удерживается как целое. Язык, соединяющий и распространяющий, а также изолирующий, — тоже город.

В такой вот метрополии истории, в которой город буквально является матерью, живопись — самое великое искусство, хотя бы из-за явного перевеса временного. Без города и его структуры не было бы живописи. Единственные предшественники живописи — пещеры: Гильгамеш не так стар как Ласко.

Греки раскрашивали статуи, и вообще с самого начала все культуры рисовали свои божества. Сегодня мы раскрашиваем города, раскрашиваем транспорт, раскрашиваем квартиры, раскрашиваем дороги, раскрашиваем людей, раскрашиваем даже пищу. Не наступило ли сейчас время и для раскрашенной, рисованной поэзии?

Поэзии, рисованной каждой вибрацией цвета и их комбинаций, одновременной упорядоченностью и беспорядком, каждым преднамеренным действием, каждым движением к чему-то, превращающемуся одно во что-то другое. Рисованной каждой тре-

щиной и царапиной, каждой кляксой, каждым просветом, каждым стертым местом и перестановкой, каждым расчленением формы и атакой на творение, каждой угрозой и ответом, каждым превращением цвета и преобразованием частей, необходимыми для выражения мира..

Даже слова – суть самого языка – подлежат последующим изменениям и преобразованиям. Цвет, позднее покрытый другим, начнет просвечивать, когда то, что побороло его, будет поставлено под вопрос и сокоблено от части, если не вообще.

Политическая революция отвечает этому же процессу. Схождение и расхождение линий и образов будут формулировать новые идеи, чье истинное утверждение не полностью раскрыто, но полностью воплощено. Это продолжающееся направление, ощущаемое изнутри, но указанное снаружи. Когда угнетаемое целое распадается, части находят себе новые места, более для них подходящие, иначе все гибнет. В будущем скажут о таком образе действий, относительно его материала и языка, используя высказывание Августа о Риме: *здесь у нас обилие кирпича, но разумных его нет*. Преднамеренное разложение необходимо в состоянии прогрессирующего упадка. Мрамор не отвечает больше духу времени. Наша эпоха обещает выставить Рим в глупом, если не беспомощном виде. В мире, где больше фотографий, чем кирпичей, может ведь оказаться больше картин, чем местностей? Мне сказали, что скоро будет больше живущих людей, чем когда-либо умерших. В неисчислимых вариантах мы существуем в непостижимый век. Совершенно необходимо ради этого аргумента (хотя бы для крайности) упомянуть атомное оружие. В других отношениях знаков вполне достаточно.

В искусстве, как и в жизни, значение стремится выявиться в ходе опыта, как и формы в абстракционизме или морской пейзаж у Кандинского, даже фигуративный элемент раскрывает новые структурные связи, впоследствии предопределяющие абстракцию. Вспомним, например, Россо Фирентино, "Носферату", или последний импровизационный квартет.

Поэзия, типа предложенного здесь, не новая концепция; более, чем поэзия, это музыка. Она существовала в нашем

мире по крайней мере со времен Блейка, и была возрождена Клее и Пикассо. Мое решение вновь взяться за искусство — простое ее продолжение, конечно же, означающее традицию. Рисованная поэзия, вероятно, так же стара, как времена, когда отсутствовали механизмы, и при благоприятной судьбе переживает крах, вызванный ими.. .

Старая игра формы-содержания всегда была самодостаточной, как Гамлет или хорошая польская колбаса, где-то между метафорой и метонимией, как бы напомнили нам лингвисты, или Гертрудой и Лаэртом. Современный мир начался с первого нарушения близости, т.е. с рождения, когда вещи оказываются оторванными от их схожести. Но уход от формы есть также приход — в форму. Новые перестановки ожидаются, и они всегда наступают. Нас начинают насильственно кормить и заправлять. Мы можем все бросить, не есть или брать по пол-ложки. Одновременно идет несколько войн, но также и одна большая война. Мир, который победит в этих условиях, царя с трущобами, обязатель но будет частичным; карта и впредь будет кроиться и изменяться. Одна и та же местность с различными названиями имеет не больше смысла, чем различные государства с одним и тем же названием, хотя в так называемом пост-модернистском мире от нас все время требуют проглатывать подобный преступный товар. Слово само по себе звучит как конец.

События и системы, воплощающие в себе это роящееся положение вещей, стали настолько задутанными, сложными и неосознанными, что для чтения необходимо поведенная до предела живопись. Она может быть создана бесчисленным множеством способов, но сейчас нет такого способа, который был бы чем-то иным, как не апокалипсисом. Скорее попразумевается видение, нежели варыв.

Ибо процесс письма есть графическое искусство, и слово предполагает как линию, так и цвет. Пока оно рождается, поэма рисуется. Она может начинаться с образа или контура. Она может начинаться с эскиза или вокруг идеи чего-либо. Она начинает рисовать самое себя. Она может быть создана карандашом или ножом, пером или магнитофоном, или какой-нибудь

новейшей машинкой с клавишами, пробивающей бумагу. Она требует терпения, метода, наблюдательности, техники, импульса, стремления, перестройки, энергии и одержимости. Она может быть атакована историей, а также и атаковать историю. Она может быть неизвестной и сделанной только ради самое себя и ничего другого. Ее смысл может меняться со временем и всегда меняется.

Законченный предмет искусства - ничего более, как фантазия данного художника в определенный момент времени. Будучи доделанным до конца и прочитанным полностью, произведение откроет все, что можно узнать о жизни художника, условиях, в которых оно создавалось, а также будет заключать в себе все развитие искусства вплоть до этого образца. Это форма разума как такового. В структуре произведения будет буквально заключена история видов (заключена = окружена, охвачена, объята). Следовательно, оно займет место у последней точки традиции, и будет продолжать не важно что.

Традиция как несомое: не только то, что обращается к нам через века, но и то, что мы тассим за собой, то, что мы додгружаем в картину, а также и то, что с помощью операции дифференцирования мы "сгружаем". След, дорога, трасса, колея, путь, метод, практика, обмен, караванные тропы, тракты, ТРАДИЦИЯ.

Я считаю поэту, что поэзия должна одновременно быть музыкой и графикой, а уж потом литературой. Ибо насколько озареннее и изумительнее (МУЗЫКА - МОЗАИКА, принадлежащие музам) создавать ^и язык или рисовать поэзию, нежели просто ее писать.

Так как книга должна быть глубока, как музей, и широка, как мир.